

Семён ГУРАРИЙ**КАК УЧИЛ НАС ВЕЛИКИЙ СОСО**

Кирка смотрит на своего отца, ксилофониста Гелия Пикеля, с изумлением и страхом. Ей не нравится, что он стал в последнее время похож на неповоротливого индюка, с обращённым внутрь себя набухшим взором.

Гелию Пикелю не нравится взгляд дочери. Что она ещё выдумала? Наверняка, пришла деньги клянчить. Под предлогом установления «семейного мира». А сама не знает, как спровадить мать к нему назад. Ну да, им теперь там тесно. Вот и не надо было устраивать спектакль с фотографией Сюзанны – ведь матери сама подсунула, стерва! Он ей этого не простит. Влепить бы ей оплеуху. Ей и жене заодно. Чтобы не забывали, на чьи деньги живут и кохаются. Вернее, кохались. Сами кашу заварили. Теперь пусть расхлёбывают – у него больше ничего нет. Он всё продул в карты. Они ещё не знают: даже дом пойдёт с молотка.

Сидят за накрытым столом. На лице отца панорама переживаний. Он наливает себе водки. Страдальчески сморщивается и опрокидывает рюмку. Подло – ведь обе, и Кирка, и Лорка, знали, что он никуда не денется. Не ослушается предсказательницы Бэрбары: если покинешь семью – умрёшь... При мысли о Бэрбаре, заходится в судороге отвращения: прихрамывая, приближается к нему, лежащему совершенно голым на кровати, женщина с пористым мясистым лицом и такими огромными танцующими руками – и он проваливается в приступе сонливости вникуда, но слышит, слышит – если покинешь... умрёшь... умрёшь...

Кирке не нравится, что отец пищу втягивает, всасывает. И пьёт водку в одиночестве. Пикель смотрит с беспокойством на оставшуюся еду. Кирка знает: вскоре он начнёт поглощать без разбора всё подряд. Так и есть, полетели объедки торта, куски селёдки... Сдерживая тошноту, Кирка отворачивается. Дать бы ему оплеуху, чтобы опомнился.

Некоторое время отец молчит. Ему не нравится этот театр дочери. Она совсем не углубляется, хоть уже и сама – мать и жена. И уже никогда не углубится. Мало всё-таки в своё время давал ей оплеух.

Он прислушивается к себе, сопит, закатывает глаза. Ему кажется, он сейчас лопнет. Живот его живёт сам по себе, вываливается из рубашки. Он за ним с удивлением наблюдает и внезапно кричит:

– Где я? Что я? Духи! Духи!

Выбегает из комнаты. Короткими пробежками. Как воробей. От индюка и следа не осталось.

Кирке не нравится его резкий голос. Вот так всегда с ним: сидит, слушает вроде других, а на самом деле только себя. И вдруг что-то неожиданно вспоминает, вскакивает, истерично кричит и бежит куда-то в панике. А на самом деле – очередной спектакль. Никто, кроме домашних, и представить не может, как он резво умеет двигаться. И склёвывать, по его собственному выражению, повседневные крошки. Сам увидел – сам и склюёт. Оно и понятно: частенько крошки оказывались на поверку довольно крупными кусищами. Никому не скажет и не покажет. Даже близким. А уж кто как ни Кирка знает, что близких у Сосо и нет. Никого.

Гелию Пикелю не нравится, когда его всуе называют Сосо. Особенно те, кто никакого понятия не имеет о Сосо настоящем. Что с того, что его любимая присказка была, есть и будет: как учил нас великий Сосо... – это ещё не повод. Конечно, ему втайне приятно это сравнение. Ведь он уже давно свыкся с мыслью, что он и есть Сосо. И не менее великий, чем тот, знаменитый. Потому что он, Гелий Пикель, жил ещё задолго до Сосо, только об этом мало кто знает. Да и вообще, это удел немногих, а можно сказать, избранных – жить бесчисленное количество раз. Он и своему психотерапевту не сказал об этом, и не скажет. Так, о пустяках, да о бессоннице потолковать с ним можно,

но не о переселении же душ. Между тем, Пикель был уверен, что души переселяются, причём, все без исключения. Правда, большинство людишек не отдают себе в этом отчёта – примитивные существа, и только.

Изучая жизнь вождя всех народов, он не упускал случая «мысленно выправить» его отдельные ошибки. Их было очень мало, но Гелий Пикель не уставал их находить, а затем как бы снисходительно предлагал более верные решения своему тайному кумиру и советнику, чьё незримое присутствие он ощущал постоянно и во всём. Особенно когда суетливый день отлетал как сон прочь – в морщинистые тупики. Ночь вступала в свои смутные права: немели крыши и мостовые, уставшие руки граждан тянули свалявшиеся одеяла до подбородков, редкие фонари высвечивали унылые обои в мелких цветочках.

Лишь Гелию Пикелю было не до сна. Он летал с воодушевлением по чуланам и закоулкам своих цветных фантазий, выверял, сравнивал, просчитывал варианты. Это были его звёздные часы, когда он выводил сдавленным голосом бесконечную песню о не менее бесконечном продолжении жизни вечного Сосо, а, значит, и его собственной миссии *продолжателя*. Спасительный адреналин побеждал дневную апатию ксилофониста. Оболочка профессии слетала как яичная скорлупа, масштабные проекты завладевали мозгами новоявленного стратега и тактика: 1. переговоры о закупках бракованных одеял немецкой армии для эстонских скаутов; 2. найти в Харькове заинтересованных в приобретении биологических туалетных кабин; 3. толкнуть полякам подержанный «мерс»; 4. деньги из Спарда-Банк разместить мелкими суммами в нескольких других; 5. процессы и адвокаты; 6. составить новое завещание и выбросить оттуда Кирку; 7. купить себе несколько пиджаков на лето... Ах идеи, ах планы, имя им – легион.

Пикель ерошил в возбуждении волосы, вытирал потные руки о тренировочные штаны и вступал в святая святых – в манящую терпкую темноту деревянных панелей кабинета Сосо, где сам хозяин в кольцах кудрявого папиросного дыма «Казбек» или с трубкой в руке подбадривающее ухмылялся в усы. И хоть собственная «империя» Гелия Пикеля была крохотульная, (но это только на первый взгляд), – ощущение безграничности власти от этого не становилось менее сладостной. Да и разницы он не ощущал никакой: в любые времена

повсюду тебя окружают те же серые людишки со своими примитивными комплексами, предрассудками и страстями – серое тесто нафталиновых комодов, невыведенных бородавок, слюнявых восторгов, краснолицего подобострастия, прогорклого кухонного смрада, пропотевшего закулисья, воспалённых обид...

Кирка закурила. Её не нравилось, что Сосо не разговаривает с ней. Что-то задумал, устраивает спектакли. Она не поддастся на провокацию. Проявит показное понимание. Кирка знает и чувствует отца, как себя саму. Потому что на него похожа. Короткие пробежки в погоне за добычей, холодный азарт преследования – что может быть прекраснее... Главное в этом, не пересекаться с отцом. Мать не в счёт: шумит больше всех, но просчитывать не умеет. Просто бежит, кудахта, в куче. Пока отец, словно очнувшись, не цыкнет нетерпеливо, как кошке: пссс! Она тоже незаметно переняла эту манеру одёргивать мать. И даже при людях, когда мать слишком увлекалась, непременно в доме раздавалось сакраментальное – пссс... Легко сказать, не пересекаться. А время это вроде бы и наступило. С Сюзанной что-то у Сосо надолго затянулось. Пришлось вмешаться. Ведь мать только ноет. Возраст, конечно, у неё теперь не тот. Старый способ – сразу забеременеть, едва у отца заводилась пассия, – больше не срабатывает.

Мог ли Пикель предположить тогда, что клоун Клим Топтыгин отсидел срок в сталинское время. У него же на лице написано не было! Да и не он один отмотал в лагерях. Дядьку Пикеля вообще расстреляли, хоть он и не чета был Топтыгину – фигура с самого верхнего этажа. Значит оба они, как и десятки тысяч других, неправильно себя позиционировали в той ангинной системе координат, не выдержали бесслёзной температуры, запаниковали от топота сапог. А надо было, возможно, и самим потопать. Хотя бы для видимости.

Словом, стоило Пикелю пару раз за кулисами цирка произнести: как учил нас великий Сосо..., этот нарумяненный кривляка Топтыгин начал на концертах изгиляться: выступает известный филофонист Сосо Пикель! ой, извините, меломанист Пикель Сосо! Ах, объявлю я попросту: Ксилонанист Пикель! Самое подлое, что он натаскал кричать, к удовольствию публики, и своего любимца попугая: онанист Пикель! онанист Пикель!

Ничего, Топтыгину с его попугаем это не прошло даром. Конечно, Гелий Пикель и виду не показал, вместе со всеми посмеялся. Куда ему было, начинающему, никому не известному ксилофонисту, тягаться с легендарным конференсье Климом Топтыгиным. Хотя так хотелось залепить ему пару оплеух! Пикель затаился. Расправиться в одной из поездок с ненавистным попугаем удалось легко, стоило лишь в двадцатиградусный мороз открыть на полчаса окно в купе поезда. Против же Топтыгина потребовалась многоходовая комбинация из анонимных писем и слухов о, якобы, тайном скотоложестве клоуна, чтобы некогда популярного конференсье спровадили втихаря на пенсию.

Кирка пристроила мать пожить у своей приятельницы Галки, но это не выход. Сосо трахается здесь с этой сучкой Сюзанной, если ещё может, конечно, и думает, что мать живёт у неё. Нет, она не может скрывать бесконечно ото всех эту неразбериху. Особенно от Хельмута и его родни. Её муженёк, Хельмут, вскоре просто не выдержит и сбежит из дома. И так уже капризничает по мелочам: то не называй его Хельмиком, то позвони его мамашке, а она её на дух не переносит, эту жабу. Даже когда кормила грудью новорожденную Софи, не могла без отвращения смотреть на дочку – казалось, рожа свекрови, так похожа. Да, Хельмик слабаком оказался, может и сбежать. Как раньше сбежали её мальчики Хенрик и Тобиас, или как она их называла – Хеник и Тобик. И все, кстати, из-за Сосо. То возраст ему у Хеника не подходил, мол, старше его самого, то слишком полный, будто сам не толстопузый коротышка. То у Тобика зарплата маленькая, а то, что он в постели был супер?... А у неё Сосо хоть раз спросил: любит она – не любит? Задолбал со своим этим *углублением*. Чуть что, ты совсем не углубляешься. Всё ему не так. А денег не выпросишь даже на мелочёвку. Вот и сбежала тогда к Хенику, хоть у него уже давно на полшестого показывало. Ладно, хотя бы короткое время, но Хеник её всё же успел побаловать, повозил по дорогим отелям, бесконечными подарками закидывал, и всё... прощал. Все её зигзаги. Проснётся, бывало, откроет один глаз и не знает где она, что она, чья спина перед глазами? Тихонько в ванную, там включить мобильник, набрать номер Хеника, её доброго Хеника, и быстро ему наплести что-нибудь о ночёвке у подружки и прочее, уф-ф... Напоследок пить кофе с мало знакомой спиной, пытаюсь вспомнить имя, или вовсе улизнуть с поля брани.

Пикель прибегает с зажженной свечой и пробует открыть окна, чтобы выпустить дýхов. Перед каждым окном по ксилофону. От его телодвижений комната наполняется звоном. Свободная рука ксилофониста отчаянно гоняет воздух.

– Папа, успокойся, – говорит Кирка.

– Негативная энергия! – кричит отец.

Кирка нервничает: на что он намекает? Что за негативная энергия, от неё что ли? Совсем сбрендил, папашка.

Звонок в дверь. На шум в комнату весело врывается дворняжка Лапа. В зубах у нее болтаются засранные трусы ксилофониста.

– Назад! Отдай, Лапа, отдай!

Пикель, забыв про духов, бросается за щенком. Лапа в восторге пригибает морду с трусами направо и прыгает назад – игра! Один из ксилофонов, вибrafoнов, маримб валится с грохотом на бок – Лапе всё равно. Ещё один звонок в дверь.

– Открой дверь, чего ты стоишь?! – кричит Пикель.

Кирка бежит к выходу и видит почтальона с письмом в руке. Лапа мгновенно проскальзывает между ног почтальона. От неожиданности тот спотыкается и неловко опускается на задницу. Через него перепрыгивает улюлюкающий ксилофонист с горячей свечой в руке.

– Распишитесь, вам письмо, – растерянно бормочет по-немецки сидящий на земле почтальон.

Пикель замирает. Письмо с уведомлением? От кого? Он не ждёт никакого письма. «Entschuldigen», – говорит он, вспоминая, что он в Германии. Тихо и послушно задувает свечу, подаёт руку почтальону, помогает ему подняться и смиренно расписывается.

Наконец-то он один. Кирку еле выпроводил. Пришлось деньги дать и наврать про подготовку к вечернему концерту, лишь бы убралась. А так хотелось у неё самому занять баблá. Кирка все глаза искосила в надежде прочитать обратный адрес на конверте. Да, вырастил доченьку. С ней надо поосторожнее. Итак, вначале открыть письмо? Пропустить ещё рюмочку? Или позвонить Сюзанне? Как учил нас великий Сосо: рюмочку, конечно, прежде всего. Сюзанна подождёт. Потому что её нет. Их никого нет. А письмо? Нет, он не станет теперь раскрывать конверт, он его положит сюда, а сам развернёт карту и будет искать, искать...

Кирке не нравилась ситуация. Что за письмо? Сосо совсем сбрендил. Сунул ей сто евро. Не нужны ей его грошовые подачки. Она сама могла бы ему дать денег, да побольше, но он обязан её финансово поддерживать, как отец. Ничего, ничего, она прогуляется по этой тенистой аллее, а потом недолго посидит вон там в Биергартене, выпьет пива и вернётся. Хельмут всё равно в своём ателье. Преподаёт, так сказать, этим бездарностям. Пусть, пусть работает, становится, наконец, мужчиной, а не всё на родительские денежки надеется – типичный маменькин сынок. Чуть что, мамашке своей звонит, жалуется. А уже далеко не мальчик, тридцать пять стукнуло. И отец её ребёнка. Угораздило её, конечно, с этим замужеством. Если бы годы не подпирали... Одно хоть утешает: «бабок» его родители на сыночка не жалеют. Вчера вечером он отнёс этому свинье Айхенвальду чек на двадцать тысяч! Возмущению её не было предела: мало того, что она ублажает эту потную скотину каждую неделю, так ещё и деньги ему подавай! Папашка Хельмика, конечно, молодец, постарался, достал спонзора. И всё только ради того, чтобы выставить пару картин отпрыска в известной галерее Айхенвальда. Отпрыск приполз из галереи раздавленный, сам не свой, чуть не плакал. Айхенвальд деньги взял сразу, но унижал едкими замечаниями и, самое главное, ничего конкретно не обещал. Свинья! Все мужики свиньи или ими станут. А уж если им помочь немного... Пришлось долго уговаривать Хельмика, а потом утешать в постели – пытка, пытка, а не секс! – долгий ритуал подготовки, аккуратное натягивание простыни, прысканье «возбуждающего» парфюма, задёргиванье штор, салфетки на прикроватную тумбочку. В результате же – мучительный короткий пшик и самодовольная фраза непременно по-русски: «Ну, как всо билё?». И дрыхнет моментально, раскинется на пузе как ребёнок и сверкает своими геморроидальными шишками. Нет, уж лучше с этой свиньёй Айхенвальдом.

Гелий Пикель искал клад. Этому он научился ещё в детстве у старшего брата Аркашки. Надо было закрыть глаза, по очереди водить пальцами по карте Слуцка и ждать неких токов, сигналов от шероховатой толстой бумаги. Аркашке везло, он ощущал энергетические толчки, вскрикивал и уносился по пыльным улочкам к цели. А младший на семь лет Гелий утыкался от обиды в бабушкины колени.

«Ты тоже найдёшь, обязательно, – утешала бабушка, – потому что у тебя такое имя солнечное, ты моё солнышко, и... виноградные глазки». Брат возвращался с таинственным видом и лез на чердак сарая. Гелий пытался всякий раз увязаться за Аркашкой, но безуспешно. И всё же тайник однажды был им обнаружен, и Гелий его решил перепрятать. Перед тем как закопать маленький свёрток в дальнем углу двора, он не удержался, развернул в спешке рваную майку и из неё посыпались засохшие комья птичьего помёта. В тот же момент раздался оглушительный хохот брата – всё было им жестоко подстроено. «Если бы ты не был таким маленьким, вlepил бы я тебе оплеуху», – прошипел напоследок Аркашка и резко натянул Гелию кепку до носа.

Месть Гелий продумывал годами, благо обиды на брата копилась и копилась. Наученный горьким опытом, он о них никому не рассказывал, но аккуратно записывал все в толстую общую тетрадь изобретенной им самим шифрованной азбукой. Что было взять с брата, ведь он отказался от Бога и ото всех.

Пикель не понимал и бабушку. Зачем, зачем надо было испытывать ей всё на веру? Как это примитивно, подчиняться необъяснимому? Темноте? И отдавать на заклятие детей? Гелий не понимал её всепрощенческих попыток всех примирить: внуков, мифических их родителей, соседей... Невозможность постичь окружающий мир, во все не означает, что ты должен в страхе ожидать, пока тебя сожрут твои же собственные дети. Или внуки.

А Бог? Пикель и сам не знает, где Бог был всё это время. Всю его жизнь. Может ему, Богу, просто было недосуг. Тем не менее, Пикель не отказывался от Бога. При случае посещал храмы, церкви, мечети, синагоги, жертвовал, ставил свечи и даже молиться пробовал. Не его же вина, что он открыт всем религиям. И озадачен только одним вопросом к самому себе – где он, что он?

Когда бабушка лежала при смерти, Аркашка даже не приехал с ней проститься. Ни он, ни их мать – бабушкина дочка. Они были, видите ли, заняты. Только шестнадцатилетний Гелий примчался сразу же в Луцк (хотя у него тоже была экзаменационная сессия в Киеве) и просидел у постели бабушки целый день, задыхаясь от злости и несправедливости. Бабушка в бреду повторяла как заведённая лишь одно предложение «раз-два-три-б...дь» (его бабушка знала матерные слова!). От всего многообразия её интеллигентной речи только и осталась жуткая, ничего не означавшая фраза.

Всякий раз, когда словно очнувшись ото сна, бабушка хрипло произносила «раз-два-три-б..дь», Гелий замирал и начинал испуганно оглядываться.

В коридоре неслышно суежилась их бывшая домработница Нюша. Иногда она заходила в комнату и со вздохом присаживалась у двери на табуретку. Затем также неслышно приближалась к постели, поправляла подушку, подносила ко рту бабушки поильник с водой. Пикель исподтишка рассматривал Нюшу, ещё молодую женщину лет тридцати, модно одетую, похудевшую, молчаливую.

...в жарко натопленной квартире Нюша моет полы. Девятилетний Гелий незаметно подкрадывается и просовывает руку в вырез её халата. Она вскрикивает от неожиданности, но продолжает возить по инерции шваброй. Он мешается под ногами, елозит, тиская детскими пальцами её груди. Также как это проделывает Аркашка. Гелий лишь копирует старшего брата. Ему хотелось бы полежать с Нюшей и на диване. Чтобы Нюша гладила его по голове как Аркашку и смеялась. Однако, Нюша никогда не приглашает Гелия полежать с ней на диване. Мало того, они с Аркашкой выгоняют его из комнаты и закрывают дверь на ключ. Обиднее всего, что она его часто вообще не замечает и обращается с ним как с ребёнком. Однажды, она остаётся у них ночевать, и не прекращая разговор с бабушкой, раздевается при свете, стягивает платье, затем расстёгивает лифчик и потирает груди.

«Ты опять хулиганишь, маленький пакостник?» – Нюша отбрасывает швабру, освободившейся рукой крепко прижимает его к себе, а другой рукой захватывает его детскую плоть. Он утыкается лицом в верхний вырез халата и чуть не задыхается от жара вспотевшего женского тела. Он пытается вырваться, но она не отпускает и, смеясь, зажимает его всего ещё и оголившимися полными ногами. От движения её беспокойных пальцев что-то у него набухает, он замирает от сладостного страха, прикрывает глаза и начинает плакать. Няня тут же отпускает его и выбегает из комнаты.

Они пили вдвоём чай на кухне с бутербродами, прислушиваясь к звукам, доносившимся из комнаты. Затем она мыла чашки, а он заснул за столом, утомлённый дорогой. Так он проспал и бабушкину кончину.

Нюша... его первая женщина в жизни. Как всё это случилось? Когда? И с ним ли? Он и не заметил. Ах нет, замечал каждую деталь. Они разбирали вещи, открывали какие-то сундуки, доставали из шкафов посуду. Нюша приходила каждый день, переодевалась в халатик, вставала на табуретку, тянулась наверх, передавала ему свёртки, пахнувшие нафталином, прыгивала лихо на пол, халатик раскрывался, а при стирке и вовсе скидывался, и Нюша оставалась в одной комбинации. Он помогал тащить выстиранное бельё во двор, потом из окна наблюдал, как она развешивает бесчисленные простыни, платья, пододеяльники... Нюша облизывала ложку от варенья и спрашивала: «А ты помнишь, как бабушка заставляла вас с Аркашкой музыкой заниматься? Твой первый ксилофон вон там ещё за шкафом стоит. Ты так хорошо играл...», – мечтательно добавляла она.

Ещё бы он не помнил. Но он помнил и звук поворачивающегося ключа в двери, и её смех, и свои слёзы. Он ненавидел тогда Аркашку более всего за то, что он когда-то спал с Нюшей. Нет, она не призналась ни в чём, но Гелий был уверен, ведь они запирались на ключ. Разве это не признание?

Анонимка о растлении малолетних далась Пикелю нелегко, можно сказать сквозь слёзы. И всё-таки, одолев сомнения, письмо в парторганизацию завода, где работала Нюша, было отправлено. Случай с Нюшей послужил Пикелю уроком на дальнейшее – он научился отделять эмоции при принятии важных решений.

Кирка сидела в Биергартене и болтала с Галкой. Вернее, говорила одна Галка. Она «сидела на социале» и была вхожа, так сказать, во все дома: подрабатывала различного рода массажем, снятием порчи, сглаза, не гнушалась оказывать и прочие пикантные услуги. Потому всё обо всех знала и с удовольствием делилась поучительным опытом с подружками. Кирка презирала Галку: она не годилась быть партнёршей ни в одном серьёзном деле. А это для Кирки играло определяющую роль. Она делила людей на возможных партнёров и партнёрш. Образования специального у неё не было, вот и подвизалась в одной из агентур курьером, или по выражению шефа: позвонить-встретить-кофе-такси... В свободное же время открыто жаловалась в разговорах на отсутствие достойных партнеров для открытия некоего мифического бизнеса. Но на Галку можно было всё же в отдельных мелких случаях положиться. Как в теперешнем её семейном разладе. Кроме того, если Кирка нуждалась в интимных советах, Галка всегда

выслушивала подругу и давала пусть и безапелляционные, но всё же рекомендации.

Естественно, что желание непременно играть только на виолончели возникло у Гелия почти сразу, как только виолончель купили Аркашке. Но с самого начала как-то не сложилось: болели пальцы, дрожал смычок, да и учитель всё время сравнивал его с Аркашкой. Потом дома появилось старенькое пианино «Шрёдер», и Гелий с облегчением перешёл на фортепиано. Радости хватило ненадолго. И снова из-за Аркашки. Он буквально оккупировал пианино, забросил виолончель и уже через пару недель вполне сносно играл всевозможные сонатинны и этюды. Но самое главное, к восхищению бабушки и Ньюши, он почти сразу стал подбирать по слуху популярные песни и – импровизировать. Гелий от зависти выбегал из комнаты (эта привычка выбегать из концертных помещений в случае бурных восторгов и громких аплодисментов, предназначенных другим, осталась на всю жизнь), а потом и вовсе перестал подходить к пианино. Бабушка уговорила его попробовать играть на флейте. И вновь проклятый Аркашка: пока Гелий лишь привыкал выдувать отдельные задревневшие звуки, отчего у него кружилась голова и тошнило, старший брат без всяких усилий освоил вполне прилично и флейту.

Однажды, когда Аркашка уехал на две недели в спортлагерь, неугомная бабушка притащила, запыхавшись, громоздкий чемодан и, прогнав Гелия на кухню, долго гремела за закрытой дверью. Наконец, Гелий был допущен в комнату. Перед окном мерцал холодным блеском некий корабль в металлических пластинках. Под недоверчивым взглядом внука бабушка ретировалась на кухню. Гелий осторожно приблизился к блестящим пластинкам, понюхал, взял в руки палочки и ударил легонько по пластинке. Светлый звук, сгущаясь и теплея, едва родившись, постепенно исчезал. Ещё один удар, ещё... Мир вокруг становился невидимым и плывущим в безбрежном океане нюансов.

Так появился первый в жизни Гелия Пикеля ксилофон. Блеск, впрочем, привиделся: пластинки же были деревянные. Просто за сверкала в воздухе грядущая победа над Аркашкой, вот и ощутил холодный блеск торжества. Так и случилось, Аркашка потерпел поражение: у него не получались трели, он просто не чувствовал

«ложечек», они должны вырастать из пальцев, из руки – Гелий ощутил это сразу. Словом, Аркашка не полюбил ксилофон, или инструмент не полюбил его, но зачем надо было в нетерпении грубить, резко бить по пластинкам, оставляя вмятины? Гелий торжествовал, усердно занимался, стал делать заметные успехи, выступать в детских концертах а потом и вовсе поступил в Культпросветучилище. Или, как его называли – в «кулёк».

Аркашка же музыку «сменил» вроде бы на мореходку. Но щеголяя по выходным в белоснежном мундире, чем сводил с ума девчонок, он мог вальяжно появиться со своими приятелями и на танцах в Клубе молокозавода. По многочисленным просьбам публики они с наигранной неохотой взбирались на сцену. Смолкал патефон, выкатывался на середину рояль и Аркашкин ансамбль из трёх человек – бас и ударные – скинув маску отстранённости, неожиданно обрушивал на притихших слушателей для начала романтический вальс в миноре. А затем... затем могло следовать всё что угодно: полу-запрещённые американские шлягеры, блатные песенки, отрывок из Чайковского на виолончели, и даже озорные прыжки на флейте...

Младшего брата дразнил: кулёк, а кулёк, ну как у вас там в «кульке»? Но как-то раз и Гелий был приглашён поучаствовать в ансамбле брата. Развернул неторопливо на столике ксилофон и неожиданно услышал голос Аркашки: импровизация на тему! Это было подло с его стороны: не предупредив, без подготовки кинуть Гелия в омут спонтанной лихорадки. Словом, младший Пикель был освистан, осмеян и унижен. Отстояв пять минут позора на сцене, он неожиданно поднял руку и заиграл свой коронный номер, «Чардаш» в феерическом темпе и с полным набором каскадных пассажей и всевозможных эффектов – успех, успех... «Характер есть, кулёк, но других слушать тоже не мешает», – то ли похвалил, то ли пожурил его удивлённый братец. Закурил медленно сигарету и потом наговорил столько всего «приятного»...

Поздно ночью Гелий накатал в мореходку анонимку на брата, обвинив его в фарцовке, и уехал в Киев. С тех пор братья не виделись. Через два месяца Аркашку из мореходки исключили, он перевёлся на заочный в педагогический, блистал в самодеятельности, затем по окончании института преподавал в вечерней школе физику, потускнел, облысел, женился на вдове с ребёнком, взял её фамилию, а потом и вовсе после распада Союза эмигрировал в Канаду.

Кирка слушала болтовню Галки и думала, а что если попросить у неё займы. Конечно, она не даст, да и денег у неё нет, и всё-таки не мешает попробовать, а вдруг? Кирка любила занимать деньги и наблюдать как меняются люди, давшие в долг. У неё была разработана целая система. У таких, как Галка, можно просто спросить без причин небольшую сумму и обязательно отдать в срок. У Хеника и других поклонников-мужиков следовало просто выцыганить безвозвратно. А, так называемые, «совестливые» нуждались в «театре», в слезливых историях о невозможности свести концы с концами, отсутствие витаминов и недоедании дочери. Безотказно действовали и душещипательные рассказы о коварстве отца, интригах завистников против её талантливого Хельмута, прозрачные намёки на нелады с роднёй мужа. В ход шли и доверительные описания всевозможных болезней, «поразивших» её молодую семью, вплоть до истерических рыданий по поводу предстоящего длительного лечения герписа, высыпавшего на самом интересном месте. Разумеется, следовало трагическое предупреждение, что отдать долг она сможет не раньше, чем уладит все свои проблемы. Да-да, именно – все, и, пожалуйста, ни слова никому, особенно Хельмуту и родителям. Занять, и как бы забыть. Как бы... А самой наблюдать за выражением их лиц, когда они встречаются в дорогих ресторанах, или особенно наслаждаться изумлением подружек, оглядывавших её обновки от самых модных фирм. Нет, они ничего не говорили – они же интеллигентны и умны. Поэтому можно было вдобавок им и рассказать, что они с Хельмиком только что из Ниццы прилетели, да, хоть и жили в прекрасном супер-отеле, но скучали, что собираются в субботу на премьеру в оперу, а на следующей неделе летят на Биеналле в Венецию: Хельмику надо кое с кем повидаться. По приезде звоните, звоните... В глазах же читала: как же так, а недоедание, болезни и прочее? Но не спросят, не посмеют рот открыть, хорошо воспитаны. Не могу отдать и всё. Не умрут. Позже, позже. А начнут надоедать, придётся припугнуть адвокатом – *Belästigung!* Не раз испробованная метода. Спасибо, Сосо научил.

От Ньюши до Сюзанны, самодовольно ухмылялся Гелий Пикель. Но самые сладкие воспоминания остались о школьных девчонках.

Он тогда назывался ещё Гелик и с наивным простодушием пытался любить всех вокруг. С мальчишками вроде было всё ясно и понятно. Его удивляли девчонки. Почти каждая из них не соответствовала себе самой, изменчиво ускользала от понимания и вмещала ещё что-то необъяснимое, постоянно меняющееся и волновавшее Гелика. В девчачей одежде гуляли тревожные ветры, надувая платья словно паруса, отчего контуры фигур, движений, походок обретали ласкавшую глаз обманчивую плавность.

Гелик постепенно открывал для себя подробности девчачих тайн. Скажем, Надина грудь была не стеснена лифчиком. Надя единственная в классе душилась духами. Веснушки. Чуть надменный взгляд. Или насмешливый? Ни с кем не дружила. Не участвовала на переменах в общих играх. Если Гелик не пропускал Надю к своей парте, она не пыталась как остальные прорваться, снисходительно поглядывала как на младшего. Ласково дотрагивалась до руки. И он её почему-то пропускал. Носила коричневую форму со стоячим кружевным воротничком. Она сидела впереди, и Гелик толкал её легонько в спину. Она не сердилась.

От Тани пахло потом. Сидела у стены. Он справа на одной парте. Валерка сзади. Она давала одну руку ему, другую Валерке. Рыжая. Жаркая. С выпиравшей из перешитой формы грудью. С разводами подмышками. Рысьи ноздри хищно приплюсывались. Училась плохо. Проходила лыжные дистанции быстрее всех в классе. Дралась не хуже мальчишек. С ней не связывались. Могла и выmaterить. Девчонок презирала.

Гелик хотел подражать Аркашке: в тёмном подъезде барака брат загонял Алёну в угол и пытался ухватить её за грудь. Алёна молча отбивалась, но не убегала.

В ручеёк играли под вечер. Галя переплетала косички. Гелик спрятал незаметно её заколки и хранил под подушкой. Аркашка обнаружил и всем рассказал...

Хватит про Аркашку... его может и в живых уже нет. Сгинул, пропал, даже фамилию жены взял, спрятался, только чтобы с ним не общаться. А Гелию и подавно не надо. Да, был у него старший братец и сплыл. Биологический братец, как говорят в таких случаях немцы. Пикелю не нравились немцы, потому что они... они не оправдали его надежд. Да, он выпьет сейчас рюмочку за биологического братца, бррр... торт от жары весь раскис... хочешь, Лапа, тортику? Не хочешь...тогда ещё одну рюмашку за биологическую маму, за её

шестнадцать кошек, нет пятьдесят одну... одна, рыжая, и прыгнула ему на голову со шкафа, а мамуля, не видевшая сыночка всего лишь сорок лет, так смеялась, так смеялась... потом вдруг смолкла и сказала строго: Гелик, сынок, ты не в ладах ни с людьми, ни с космосом – это тебе был знак от инопланетян... Всего сорок лет не видеть и такое сказать, а он ведь её искал, так долго искал... Пришлось назавтра позвонить в психбольницу и её насильно госпитализировать... в России, пардон, в Совке, это легко было сделать, за «бабки» они и его самого держали бы взаперти... нет, он и русских не любит, они продажные, и евреи продажные, и грузины, и все... он её так искал, маман... надо было всё же вклеить ей оплеуху за инопланетян, не говоря уж...

Жара. Пикель стащил с себя рубашку. Уже как-то симметричнее. Если нарушается симметрия, надо исправлять. Лорка вроде бы всегда была ему симметрична. Если его, так сказать, становилось больше, она умела уходить на второй план, ужималась почти до исчезновения. Но за ней всегда был нужен глаз да глаз. Ещё со школы. Они с восьмого класса сидели за одной партой. Лорка, списывая контрольные, всегда прижималась к Гелию тесно грудью. Он стискивал её руку под партой. Она убирала руку к себе на колени и он чувствовал движения её ног, корпуса, ощущал под пальцами резинки от чулок. Но на переменах она о нём забывала, стояла в отдалении с другими мальчишками, позволяла себя обнимать, смеяться. Гелию казалось, что смеются над ним и однажды, не сдержавшись, он запустил в Лорку недоеденным початком кукурузы. Она вскрикнула от боли – он попал ей в ухо. Ухо посинело и вздулось. Но Лорку с тех пор словно подменили: она смиренно оставалась на переменах за партой и выжидающе поглядывала на Гелия. Позже он женился на Лорке. Или она на нём. Какая разница, кто на ком. Танцы с тяжеловесной недвигающейся талией Лорки продолжаются уже почти сорок лет. Приземистая Лорка давно уже не напоминает орлицу. Как тогда... тогда он смотрел на её птичий профиль и ему казалось, что вот-вот она взмахнет крыльями и Пикелю откроется бескрайняя панорама любви, любви, любви...

Выпил ещё рюмочку. Закурил. Какой там, на хер клад? Вон его клад – пирздинг на жирном пузе Лорки. Какой она оказалась крикливой, нахрапистой и безвкусной: в таком возрасте и пирздинг... Ей бы сидеть на печи, да перья чистить. Ведь окорок, квадратный студень, а туда же – открытый живот, декольте, вырезы с показом рояльных

ножек, тьфу! Сюзанна уж насколько моложе, но не позволяет... то есть ещё как позволяет... и не только с ним... она, конечно, блядь, ну и что с того? и Лорка блядь, и Кирка... Где же водка? Кончилась. Ничего, у него припасено... так виски... гадость, но придётся, как говорится, на войне, как на войне...

Кирка немного опьянела. Да, она превращает мужчин в свиней. Их и превращать не надо. Вон тот, облезлый, всё усища свои поглаживает и пялится на её ноги, да на Галкины. Или вон тот юнец. Нет, скорее на Галкины. У неё формы соблазнительнее, ничего не скажешь. Даже Хельмик отметил. Но рисует он только меня. Правда, этот последний его цикл „Kranke Circe“... почему, собственно, больная? Надо вlepить ему за это оплеуху. И её тело изуродовал, то одна грудь больше другой, то три груди... Все они свиньи и козлы. Жарко, она снимет пиджачок и останется в открытой маечке. И запоёт. Она любит петь, хоть Сосо и морщился всегда. Он заставлял её на клавире заниматься. До того первого конкурса „Jugend musiziert“ im Herkulessaal... когда она умудрилась получить меньше всех пунктов. И уязвлённый Сосо, не выдержав, заорал в присутствии расходившейся публики на председателя жюри с диким русским акцентом: «Ihre Wettbewerb stinkt! Wer sind sie alle?! Meine Tochter zeigt noch... zeigt!»* Защищал же её, значит любил? Чёрт его знает! Во всяком случае, через некоторое время с клавиром было покончено. А петь она и сама научилась. Это и не пение даже, а клочотание всей её сути, энергетическая вибрация, от которой мужики просто мрут. И не жалко: пусть все они лопнут от свинской похоти.

...он и сейчас ещё хорошо играет в отличии от некоторых. Стягивая тренировочные штаны, Пикель потерял равновесие и растянулся на полу. Пахло собачьим дерьмом. Сцена разухабисто наливалась флюсами, опухала на глазах. Самое время с робостью, даже застенчиво появиться перед публикой. Словно только-что откуда-то прибыл, прибежал, зашёл случайно, забрёл, так сказать, между делом – к вам, любимым, в гости. Первые минуты так и стоять, словно не зная, что-же сыграть. А потом взять нерешительно пару аккордов, попробовать словно на вкус тональность. В маске так удобно это сделать. И публика довольна – импровизация! Ан нет, нате вам –

* Ваш конкурс воняет! Кто вы такие?! Моя дочь ещё покажет... покажет...

шиш! Импровизации нет нигде, ну... даже в природе ничего не имеется. Публика и не подозревает, что всё заготовлено, все эти подьёмы воодушевления, паузы растерянности, бесконечные замирания, смелые скачки с подстраховкой. Её нет – импро-ви-за-ции, Аркашка мог бы подтвердить, если он ещё жив... Он этими трюками владел как никто. А ему всё говорил, чего ты, братец, кирпичики переставляешь? А сам? И сам переставлял, только незаметнее чем другие. Но в скорости братец отставал от него. Это надо уметь взвинчивать скорость, просто так, чтобы адреналин сбросить... Вот и вся разница в этой дерьмовой пище для быдла. Дерьмом в самом деле воняет... и Лапа виновато скулит. Надо бы его вывести, только Пикель в одних трусах остался, штаны все в говне, что соседи скажут? Что?... а ничего не скажут, иначе он напишет, он уже писал и ещё напишет... он пойдёт в трусах... Лапа, пойдём пи-пи-а-а, нам всё дозволено, мне... вот сядем в машину, заведём мотор и поимпровизируем, чем не сцена, взорвёмся, ускорим, обгоним, затормозим...

Кирка закурила. Подозвала официанта, заказала ещё пива. Что там Галка бормочет? А вот это её не касается. Абсолютно. Мои проблемы с Хельмиком – это мои проблемы. Зря я ей рассказывала о Хельмике, что-то она проявляет слишком большой интерес к её мужу. И какой он для неё Хельмик, пусть называет его Хель-мут! Спрошу денег взаймы, тогда заткнётся. Точно! Остекленела.

...а Сюзанны нет и не было. Или была? Была и есть! Чирикает, прыгает птичка. Он любит птичек, но не орлов с клювищами, а воробышков, чижиков, синичек... Сколько их было... и все на одно лицо. Нет, на одну морду... Или на лицо? Хрен с ними. Главное, что у его птичек нос с горбинкой и все на одно... на одно-заодно... и приносят почту... кстати, где наше письмецо? так, конверт, открываем, что там... от адвоката... истица фрау Пикель... это уже бред, Лорка? Его домашний попугай? Что она от нас, Лапа, хочет? Всё! И развод, и дом, и машину... Bitte schön! Майнер шоне фрау! Получите свою долю-дулю, ха-ха-ха! ... И она туда же? Научил на свою голову. Смешно. До икоты смешно. Лапа, пойдём пи-пи, мы читать дальше не станем, ад-во-кат-не-ад-во-кат... навиделся их за свою жизнь, этих идиотов...

Ты чего притих, Лапа, испугался? Кстати, Лапа, идиотентест

мы выиграли? Выиграли. Ну, наехал на столб, ну, не помнил... столбик и погнулся, а почему? Правильно, это не важно. Важно, кто ответит... а написал на Вольфа... что написал? столб, ничего потом не помнил... а написал на Вольфа, что именно он мне подсыпал в вино порошок или что-то... что-то другое, и... сработало... Вольф-то фьють... нет его... что ты говоришь, Лапа? Правильно, на кого я только не писал... кстати заметил – одно и тоже слово: писáть и писать, только ударение меняй, понял? А суть одна – вонючая... Это по-русски. А по-немецки... Ты, кстати, немецкий понимаешь? То-то, и я плохо. И русский плохо... Только на меня не надо наезжать, я этого не люблю, помнишь тогда, как этот, как его... ну... с агентуры... после моего концерта стал вякать, мол, я не развиваюсь больше, что у меня прокисшие импровизации, что я жонглирую кирпичиками нет ты представляешь, эта гнида рот раскрыла, стал меня отчитывать, меня, представляешь? Кто он такой? Сошка! Поучать взялся и главное, теми же Аркашкиными словами, словно сговорились... Пришлось с ним письменно разобраться. Не сразу конечно, а потом... как учил нас великий Сосо... ха-ха-ха.. а заодно и со всеми, кто эту бодягу слушал и не возразил ни слова, не заступился, сволочи... А когда перевозили домашний скарб через границу, ха-ха-ха, так менты пограничные мне весь сервиз на моих глазах переломали, понимаешь? Мне, Сосо?...

Письмецо потом состряпал... понимаешь, Лапа, что это такое? Это я не просто так... Письмецо, послание – это чисто символично. Все ведь вокруг, п-ссс, тише... больные. Но они об этом не знают, понимаешь? Надо им говорить, указывать на болезнь. Некоторым, особенно чувствительным надо в лоб, напрямую. А другим остороженько внушить через инстанции... иначе сам получишь и в лоб, и по лбу... Думаешь, почему я выбрал ксилофон? На хера мне эти оркестры, да рояли, да виолончели с флейтами, с их мудрёными линиями и концепциями – всё соединять, да преодолевать, когда я это *всё* достигаю одним ударом: бамс и... резонанс. Как в жизни. Главное не удар, а резонанс после него, понял? Если понял, скажи: гав! Молодец. Людьмишкам надо ведь только ножкой притоптывать, да ручкой прихлопывать под ритм, и больше ничего. Причём, на халяву. А не соединять. Пусть кто-то старается да соединяет. А знаешь, что это даже Льву Никола-и-чу не под силу оказалось... я начитанный, Лапа, не думай, что какой-нибудь лох... да я одним прикосновением к моим ксилофонным деревяшкам могу осветить всё по-другому, могу

ошарашить, испугать, или всё вокруг заморозить... Чего я тебе это всё рассказываю? Вот ты что умеешь в жизни? Ни-че-го. Поверил? Тебе сказали, ты и поверил. Потому что глуп. Себя даже не знаешь. Ты ведь лаять можешь, так? Чего молчишь, голос! Ав! Ав, я сказал! Ну вот, молодец. Только что толку от твоего лая...

Собаки лают – караван идёт. Слышал о таком выражении? А кто его ведёт? Я... Уже тысячу лет, даже больше, я не помню, я устал... что я делал в последней жизни? Бренькал на ксилофоне? Для вида, для вида!... Ах, так в каждой жизни повторялось – то эти нестигаемые, как их... рыцари, то новоявленные князья, да учёные всякие и эти писаки, разные уроды от Сирано до... Бержерака, то засушенные классические виолончелисты да Ойстрахи... и я, Сосо, который может и всегда мог охватить всё... всё... охватить мог, а удержать не смог никого... ни мать, ни дочь, ни жену...

Видишь, их нет, никого нет, только ты остался, ну, ты понял, да? Понятливый... только ссышь где попало... Писать толково надо. И вовремя, если заметил проблему, правильно – освободись от неё... как? Обпишай другого... полегчает... А ты, кстати, помнишь, как тебя поляки в поезде водкой поили? А я тебя откупил. Давай лучше вздремнём, ты уже пописал, и покакал прямо тут... вот это нехорошо, а если на тебя тоже написать, то есть написать, нет, не уходи, терпи... что не нравится... ты на меня, я на тебя...

Лапа беззвучно гавкнул, и вырвавшись из объятий Пикеля, сиганул с разбега в окно. Звон стекла. Пикель повалился лицом в лужу. Чудесный день, подумал он, вот и ветерок свежий подул...

Стемнело. Галку слизнуло, едва речь зашла о деньгах. Ну и чёрт с ней. Так хотелось ей напоследок оплеуху вмазать. Сосо уже мчится, наверное, как бешеный на концерт. Ключи у неё есть. Поищем письмецо. Расплатилась. Вихляясь, направилась, между столиками. Подскользнулась и была подхвачена крепкой мужской рукой – облезлый. Впрочем, и не такой уж облезлый. Вполне ничего. У выхода замешкалась, завернула не в ту аллею. Придётся идти мимо туалета. Заодно и забежать можно по-маленькому. Бросила монету, открыла дверь кабины. В это время над головой взметнулась тень, прокуренная рука зажала ей рот, другая втокнула в кабину. Щёлкнула задвижка. «Ти-хо, иначе прибью», просвистел облезлый из-под усов и развернул Кирку к себе задом. Кирка издала гортанный вопль, и, обернувшись,

с восторгом запела. Облезлый в ужасе опустился на четвереньки и с испуганным хрюканьем быстро засеменял прочь.

Сосо ступал по плесневелым пластинкам гигантского ксилофона. Каждый шаг причинял ему боль. Он чувствовал ступнями вмятины, зазубрины. Звуков не было. Но что-то вибрировало в воздухе. Дыхание, запахи. Они были вроде бы знакомы Сосо. Дорога, не дорога. Провода, усыпанные птицами. Ах, и не птицы вовсе. Чьи-то ускользающие силуэты. Они исчезали в разраставшемся на глазах подземном городе, появлялись в окнах. Он узнавал некоторые. Они суетились, не обращая на него никакого внимания. А он, удаляясь от города, домов и окон, уменьшался и уменьшался. И не различал более ничего. Лапа строго сидел за рулём его БМВэшного конверта. Неисписанные чистые листы убаюкивали Сосо. Он ухмылялся: пёс всё понял – это его последнее послание. Всем людям и собакам. Дорога подымалась выше и выше, зажата на горизонте двумя камнями. Листья-листочки шелестели. Сосо знал, что там, у обрыва, караван остановится, и он скажет бабушке, что глаза у него не виноградные, а водянистые, и что исчезающее пространство вовсе не призрачное, и не прозрачное, а как учил нас великий Сосо...